

СВОЕОБРАЗИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Д.С. Мережковский, один из основателей русского символизма, создатель «нового религиозного сознания», критик, поэт, беллетрист, публицист, драматург, оказался в эмиграции в 1919 г. и включился в активную борьбу с новым режимом в России. Он вел переговоры с Пилсудским, а оказавшись в Париже, много писал как публицист, не теряя веры в возможность свержения советской власти. Как писал Г. Струве, «настроенные непримиримо к Советской России, Мережковские в самого начала видели спасение от большевизма в иностранной интервенции» [14, с. 69]. Вероятно, уверенность в том, что для этого хороши любые средства, и подтолкнула его к печально известному выступлению по радио, за которое пришлось краснеть не только Ю. Терапиано [с. 34], но и многим современникам писателя. Во всяком случае, тот же Г. Струве писал: «Они были поэтому лишь последовательны и верны себе, когда в 1941 году уверовали в спасение России при помощи Гитлера и призывали к крестовому походу против большевиков» [14, с. 69].

Между тем, как и в России, он много работал, оставив после себя большое наследие: оно уже становилось предметом изучения (Е. Андрущенко [1 – 3], А. Лавров [8], И. Приходько [11], В. Полонский [12], Т. Пахмусс [9 – 10], М. Додеро Коста [5], О. Кулешова [7]). Но проблема, которая и сегодня привлекает к себе внимание, – это своеобразие интерпретации писателем истории. К русской истории он, как будто, потерял интерес, оказавшись вдали от родины, а предметом его размышлений стала история мировая, представленная в его наследии необычным перечнем имен. Цель данной статьи и состоит в том, чтобы осмыслить специфику интерпретации истории в эмигрантском творчестве Д.С. Мережковского.

В течение 1919 – 1941 гг. он создал «египетскую» дилогию, в которую вошли романы «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» и «Мессия» (19124 – 1925), а также произведения, которые историк русской эмиграции относит «к разряду художественно-философской прозы с резко выраженной индивидуальной манерой письма» [14, с. 72]: «Тайна Трех. Египет и Вавилон» (1923), «Наполеон» (1929), («Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1931), «Иисус Неизвестный» (1932 – 1934), «Павел и Августин» (1937), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1939), «Данте» (1939). В его архиве остались произведения, частично опубликованные секретарем Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, В.А. Злобиным, а в наши дни изданы Т. Пахмусс: «Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль» и «Испанские мистики» с приложением «Маленькой Терезы». Как пишет публикатор, трилогия «Реформаторы» была задумана писателем «к концу жизни», но «по условиям цензуры военного времени в переводах были опущены мысли

Мережковского о сути диктатуры "тоталитарных" государств, государственного насилия над личностью и некоторых других важных для его социально-религиозной философии концепций» [10, с. 1]. Это позволяет говорить о том, что книга имела отчетливое публицистическое звучание и ее текст аллюзивно был связан с современной писателю действительностью.

В то же время, особенность всех произведений, созданных Д.С. Мережковским в эмиграции, состоит в том, что их тематика была чрезвычайно далекой от современности. В беллетристической дилогии он обращался к истории древнего Египта, в религиозно-философских эссе, имеющий в заглавиях слово «тайна» – к истории Вавилона, Египта, гибели Атлантиды, в романизированных биографиях осмыслял жизненный путь религиозных мыслителей, героев, писателей и пр., используя «память жанра» (М.М. Бахтин) жития. Думается, их выбор был обусловлен историософской концепцией писателя, в которой каждая древняя эпоха, каждое имя символизировали собой этап в движении человечества к «царству Трех». Русская история не становилась предметом его размышлений только потому, что о ней уже было написано им на родине. Отдельные ее периоды были осмыслены им в беллетризованных трилогиях «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», в критике и публицистике. В эмиграции он как бы дополняет картину исполнения тайны «сверхисторического христинства», настаивая на том, что, начиная с древних времен, человечество жило мыслью о соединении языческого и христианского. Потому произведения тех лет, на наш взгляд, нужно рассматривать с учетом особенностей всего творчества писателя. Между тем, как справедливо отмечает О.В. Кулешова, «эмигрантское творчество писателя либо не принимается всерьез, либо, при признании общей значительности и важности проделанного им труда, остается до конца не изученным. <...> Интересные мысли, касающиеся, как правило, отдельных идей и взглядов писателя, рассматривающихся вне контекста общей концепции его творчества, встречаются в разрозненных статьях, посвященных личности Мережковского либо отдельным произведениям периода эмиграции» [7, с. 5]. Сама исследовательница сосредоточена его «притчах» писателя, потому стремится осмыслить истоки его религиозной философии.

О.В. Кулешова пишет о том, что он «активно борется против материалистического понимания бытия мира и истории. Стремление, низринув происходящее, обратиться к вечному, в чувственном мире найти Дух, освободить его, следовать за ним становится доминирующим в философской концепции Мережковского», которому «близок мистический характер гераклитовского и платоновского мирозерцаний. Шествие Духа в мире – основная тема Мережковского» [7, с. 52 – 53]. Выбор им эпох и имен для эмигрантских произведений она объясняет его философией истории. «Личности отдельных людей, сумевших воплотить в себе некоторые черты божественного абсолюта, приблизившие человечество к конечной цели духовной эволюции – Царству Божьему, рассматриваются философом как движущая сила истории. Все романы Мережковского периода эмиграции

после «Иисуса Неизвестного» – рассказ о них. <...> Св. Франциск – воплощение борьбы с собственностью, первый противособственник на земле, Наполеон – воплощение идеи всемирного справедливого устройства, жажды всемирности, Св. Тереза Иисуса и Св. Иоанн Креста – воплощение идеи богосупружества, Лютер, Кальвин и Паскаль – отражение идеи реформации Церкви, предтечи создания объединенной Экуменической церкви и т.д.» [7, с. 119 – 120]. Думается, в этом утверждении О.В. Кулешовой есть некоторая натяжка. Каждое из имени, которое она называет, символизирует собой экуменическую мысль, ею проникнуты произведения, написанные им в России, поскольку для реализации идеи церкви Третьего Завета или Царства Духа следовало преодолеть разобщенность трех ветвей христианской церкви. Об этом он говорил в книге «Л. Толстой и Достоевский», в ряде литературно-критических и публицистических произведений.

Так, например, его знаменитая книга о М.Ю. Лермонтове проникнута мыслью о том, что поэт, не принимая постылой и пошлой действительности, томился от знания «тайны премирной», закрытой для всех живущих на земле. Наполеон – «из той же породы людей», и судить о его романизированной биографии только как о выражающей идею «всемирного справедливого устройства» было бы неверно. Е. Андрущенко в монографии «"Властелин чужого": Текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского» (2012) справедливо отмечает, что книгу «Наполеон» следует рассматривать в связи «наполеоновскими» главами книги «Л. Толстой и Достоевский», поскольку в ней Наполеон является «мифологемой, находящейся в центре мифа о сверхчеловеке. Его имя соотносится с именами, способными вызвать у читателя определенные семантические ассоциации. Это, как правило, создатели наполеоновского мифа, как его понимает Д. Мережковский» [3, с. 73]. Исследовательница пишет, что в этом ряду у писателя находится также имя Гёте, а это предполагает осмысление книг и статей, посвященных этим личностям, в целом, без отрыва одной от другой. Более того: на наш взгляд, все названные романизированные биографии созданы по одной и той же модели, разработанной писателем еще в России. Так, в каждой из них есть часть, посвященная «жизни» его героя, расположенная либо в начале повествования, либо в его конце («Жанна д'Арк», «Данте», «Наполеон»), а также часть о его «деяниях» или подвиге. В книге «Наполеон» жизни великого завоевателя посвящен второй том. Такое же расположение биографии использовано в книгах «Лютер», «Кальвин», «Паскаль». В то же время в трилогии «Лица святых. От Иисуса к нам» «жизнью» святых Павла и Августина повествование открывается.

Если сопоставить такое расположение частей с тем, как они размещались в произведениях, написанных в России, то очевидно, что писатель, как правило, начинал с биографии. Такая особенность прослеживается в статье «Пушкин», в книге о Лермонтове, в статье «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев», не говоря уже о книге «Л. Толстой и Достоевский», в которой «Жизнь» описана в первом томе исследования. Вероятно, перемещение этого раздела во вторую часть

исследования связано с тем, каким он видел духовный подвиг своего «героя», что казалось ему наиболее важным («Данте и мы», «Св. Жанна и Третье Царство Духа») и пр.

Кроме попытки осмыслить сквозь призму своей идеи жизненный путь «героя», писатель использует уловку, благодаря которой объект его интереса будто бы предчувствует, но до конца не сознает своей миссии. Его движение к «синтезу», к пониманию важнейшей истины, навязываемой ему писателем, являлось бессознательным, но неуклонным. Потому оказалось возможным вписать в концепцию Д.С. Мережковского такие разнородные фигуры разных времен и народов. Они по его воле предчувствовали, но не «сознавали», стремились, но не понимали смысл своего стремления, и пр. Это проливает дополнительный свет на специфику интерпретации истории в наследии писателя, в том числе, созданном в эмиграции. Речь идет не об истории человечества, как ее изучают историки, а о конструировании всемирно-исторической мистерии, драматизации событий, но не Библии, а его собственной религиозно-философской концепции. Как иначе можно объяснить связь различных произведений между собой, на которой он настаивал, если не попыткой увязать воедино разнородные явления, имена, эпохи? В каком соотношении могут находиться «Тайна Трех» и, скажем, «Лица святых от Иисуса к нам»? Думается, наиболее наглядно эта связь может быть установлена при расположении всего, что написано Д.С. Мережковским, на исторической хронологической таблице. У нас нет возможности представить ее графическое изображение. Но наш анализ свидетельствует, что таком рассмотрению могут быть подвергнуты, прежде всего, эмигрантские произведения. Тогда в их центре следовало бы расположить двухтомное исследование «Иисус Неизвестный», от которого в дохристианские времена могут быть отнесены книги о Египте и Вавилоне, а во времена, следующие за распятием Христа – его «жития». Не случайно одна из его трилогий названа «Лица святых от Иисуса к нам», т.е. речь идет о тех, кто жил после Иисуса в периоды, движущиеся к нашему времени.

Можно ли в такой «таблице» найти место для творчества писателя, созданного в России? Безусловно. Мы должны будем признать, что его историческая беллетристика, собранная в первую трилогию, заполнит некоторые периоды истории, скажем, античность («Юлиан Отступник»), о которой в эмиграции он уже не пишет, эпоху Возрождения («Леонардо да Винчи»), к которой вновь не обращается, а также один из периодов русской истории («Петр и Алексей»). Вторая трилогия «заполняет» русский XIX век. Литературная критика и публицистика посвящены современной ему литературе и общественной жизни, историко-литературные работы касаются «золотого» века русской литературы. Таким образом, творчество Д.С. Мережковского в целом охватывает огромный период истории человечества, начиная с древнего Египта и завершая современностью. Не случайно в религиозно-философских эссе он говорит даже о гибели Титаника и предвестиях Второй мировой войны.

Несмотря на то, что писатель был чрезвычайно точен в описании исторических эпох, всегда опирался огромное количество исследований, свидетельства современников событий, письма, воспоминания, дневники очевидцев, судить об истории по его произведениям сложно. Об этом совершенно справедливо говорил Э. Бацарелли, анализируя его роман о Леонардо да Винчи: «На мой взгляд, он не был великим писателем, но многие его произведения обладают своеобразной прелестью. Таковы и "Воскресшие боги", подтверждающие мое мнение о Мережковском как о писателе достаточно противоречивом, не слишком глубоким, но любопытном. Этот его роман я бы сравнил с художественной диорамой: он по-своему красив, <...> монументален и определенно познавателен. Как известно, в диораме на фоне не слишком тщательной живописи расположен передний план, заполненный "объемами" – подлинными вещами, komponующимися с искусно выполненными бутафорскими. К первым, в нашем случае, я бы отнес самые разнообразные знаки эпохи, упомянутые Мережковским, – от анатомических опытов до неоплатонизма и оккультных наук, от сонма исторических личностей <...> до знаменитой книги Гермеса Трисмегиста. Ко вторым – сюжетные коллизии и подавляющее большинство действующих лиц» [4, с. 52]. Это наблюдение можно распространить на большинство произведений писателя. Описываемые им эпохи представлены, как правило, упрощенно, – Э. Бацарелли даже упрекает писателя в «лубочности» описаний [4, с. 53], – персонажи или «герои» романизированных биографий абстрактны и действуют под «диктовку» автора. Но взятые в совокупности они и есть действующие лица той мистерии, которую он писал всю свою жизнь.

С.П. Ильев в одной из своих последних статей говорил, что большинство упреков русской критики, адресованных Д.С. Мережковскому, связаны с «недоразумением», поскольку его романы осмыслились как исторические. На самом же деле, их «уникальное жанровое своеобразие вполне корректно определяется термином "историософский роман", ведь его поэтика согласована с концепцией развития софийного начала в процессе исторической эволюции христианства. В этой концепции мировая история предстает как результат антагонистического противостояния – и одновременно соотнесенности – Христа и Антихриста, духа и плоти, язычества и христианства. Смысл истории – в реализации божественной мудрости с ее телеологической установкой на окончательную победу "всехристианства" в форме мировой теократии» [6, с. 56]. Оказавшись в эмиграции, Д.С. Мережковский не только не отказался от идеи, одухотворявшей его творчество ранее, но углублял свою концепцию, освобождая ее от временного и преходящего.

Такой взгляд побуждает говорить о природе документализма, об условности, вымысле и домысле в его произведениях периода эмиграции, а это, в свою очередь, даст возможность судить о специфике его «историзма», если вообще это слово применимо к характеру интерпретации писателем

истории. Но эта тема, думается, должна стать предметом специального исследования.

Литература

1. Андрущенко Е.А. Одинокий странник: Трилогия Дмитрия Мережковского / Е.А. Андрущенко // Мережковский Д. Иисус Неизвестный [Подг. текста, предисл. и прим. Е.А. Андрущенко]. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 728 – 737. («Антология мысли»).
2. Андрущенко Е.А. Пророческая книга / Е.А. Андрущенко // Мережковский Д. Тайна Запада. Атлантида – Европа. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 5 – 14. («Антология мудрости»).
3. Андрущенко Е.А. «Властелин чужого»: Текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского: монография / Е.А. Андрущенко. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
4. Бацарелли Э. Заметки о романе Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» / Э. Бацарелли // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: Научное издание [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 51 – 55.
5. Додеро Коста М.-Л. О книге Мережковского «Данте» / М.-Л. Додеро Коста // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: Научное издание [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 82 – 88.
6. Ильев С.П. Эволюция мифа о Петербурге в романах Мережковского («Петр и Алексей») и Андрея Белого («Петербург») / С.П. Ильев // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: Научное издание [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 56 – 71.
7. Кулешова О.В. Притчи Дмитрия Мережковского: единство философского и художественного: [научное издание] / О.В. Кулешова [отв. ред. И.Л. Галинская]. – М.: Наука, 2007. – 214 с.
8. Лавров А.В. История как мистерия: Египетская диалогия Д.С. Мережковского / Александр Васильевич Лавров // Д.С. Мережковский. Мессия [Роман]. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. – С. 5 – 28.
9. Пахмусс Т. Мережковский в эмиграции: романы-биографии и сценарии / Темира Пахмусс // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: научн. изд. [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 72 – 81.
10. Пахмусс Т. Вступительная статья / Темира Пахмусс // Д.С. Мережковский. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. – Брюссель: Жизнь с богом, 1990. – 316 с.
11. Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) / И.С. Приходько // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: научн. издание [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 198 – 206.
12. Полонский В.В. Книга Мережковского «Наполеон»: к типологии биографического жанра / В.В. Полонский // Д.С. Мережковский. Мысль и слово: научн. изд. [Редкол. В.А. Келдыш и др.]. – М.: Наследие, 1999. – С. 89 – 105.

13. Терапиано Ю.К. Встречи: 1926 – 1971 / Юрий Константинович Терапиано [Вст. ст., сост., подг. текста, ком., указатели Т.Г. Юрченко]. – М.: Intrada, 2002. – 384 с. (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).
14. Струве Г. Русская литература в изгнании / Глеб Струве. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья [Р.И. Вильданова, В.Б.Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вст. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского]. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.

Анотація

У статті розглядається специфіка інтерпретації історії у творах письменника, написаних в еміграції (1919 – 1941). В них він майже втратив зацікавленість у російській історії, а звернувся до найдавніших епох, вибір яких зумовлений його релігійно-філософською концепцією. Формою її втілення є розгортання своєрідної містерії. Аналіз доводить, що його емігрантська проза не може вважатися історичною, а відповідає жанру релігійно-філософських есе та романізованих біографій, в яких використовується «пам'ять жанру» життя.

Ключові слова: романізована біографія, релігійно-філософське есе, «пам'ять жанру» життя, містерія.

Аннотация

В статье рассматривается специфика интерпретации истории в произведениях писателя, написанных в эмиграции (1919 – 1941). В них он, в сущности, потерял интерес к русской истории, а обратился к самым древним эпохам, выбор которых обусловлен его религиозно-философской концепцией. Формой ее выражения было разворачивание своеобразной мистерии. Анализ свидетельствует, что его эмигрантская проза не может считаться исторической, а отвечает жанрам религиозно-философского эссе и романизированных биографий, в которых используется «память жанра» жития.

Ключевые слова: романизированная биография. Религиозно-философское эссе, «память жанра» жития, мистерия.

Summary

The article considers peculiarity of history interpretation in the writer's works created during his emigration period (1919-1941). Then he basically lost his interest to Russian history and drew his attention to the ancient times giving an account for his choice by his religious and philosophical concept. His form of expression was roll-out of specific mystery. Analysis shows that his emigrant prose cannot be considered as historical one but meet the genres of religious and philosophical essay and romanized biographies where 'the genre memory' of life is used.

Key words: romanized biography. Religious and philosophical essay, 'the genre memory' of life, mystery.